

«Мне чудовищно жалась Суркова»

Окончание. Начало на стр. 1

Сейчас сложилась скандальная и чудовищная ситуация. Когда ты приходишь на фирму, выпускающую альбомы, тебя никто не будет слушать. Ты должен сначала прийти к кому-то из крупных воротил, и они из тебя будут делать не то, что ты хочешь, а то, что они хотят.

— Этакая повсеместная «Фабрика звезд»?

— Да, куда ни сунься, везде «Фабрика звезд», что эстетически меня не удовлетворяет. Мне стыдно за это перед всем остальным миром. В Москве можно устроить маленький центр величиной с комнату, где собирались бы демозаписи со всей страны и сидели бы люди с хорошим вкусом, которые бы все это отслушивали. А потом собиралась бы вся компания — Шахрин, я, Макаревич, Бутусов, «Сплин», Земфира, Шнур, любые музыканты с разными вкусами — и говорили бы: «Вот это фигня, это скучно, а вот это, кажется, ничего. Давайте их вызовем, поселим в дешевое московское общежитие, пусть они придут в нормальную студию, и Вадик Самойлов (из «Агаты Кристи». — «НИ») их запишет». Сейчас им некуда деваться. Они сидят в каком-нибудь Ижевске, и никто их не видит. А при такой студии у них будет шанс, пусть и один из тысячи. Это не «Фабрика звезд» от рок-н-ролла, это некоммерческая вещь.

— То есть вы хотите возродить в России рок-клуб?

— Да, я хочу устроить рок-клуб общероссийского масштаба. Вполне реально. Найдутся деньги, чтобы купить музыкантам железнодорожные билеты туда и обратно. Теперь будем биться за эту инициативу. Помещение, кажется, уже нашли. Нужно студию устроить небольшую. И бар. Лично я буду сидеть в баре, когда буду проезжать через Москву.

— Если рок и власть преследовали столь благородные цели, почему встреча с Сурковым была тайной?

— Она не была тайной. Это особенности нашей психологии. Что значит «тайная»? Если я с женой встречаюсь после съемок в ресторане, это тайная встреча?

— Вам, наверное, уже и должность государственную предлагали?

— В течение десяти лет постоянно что-то предлагают. Не то чтобы руководящие, но какие-то посты.

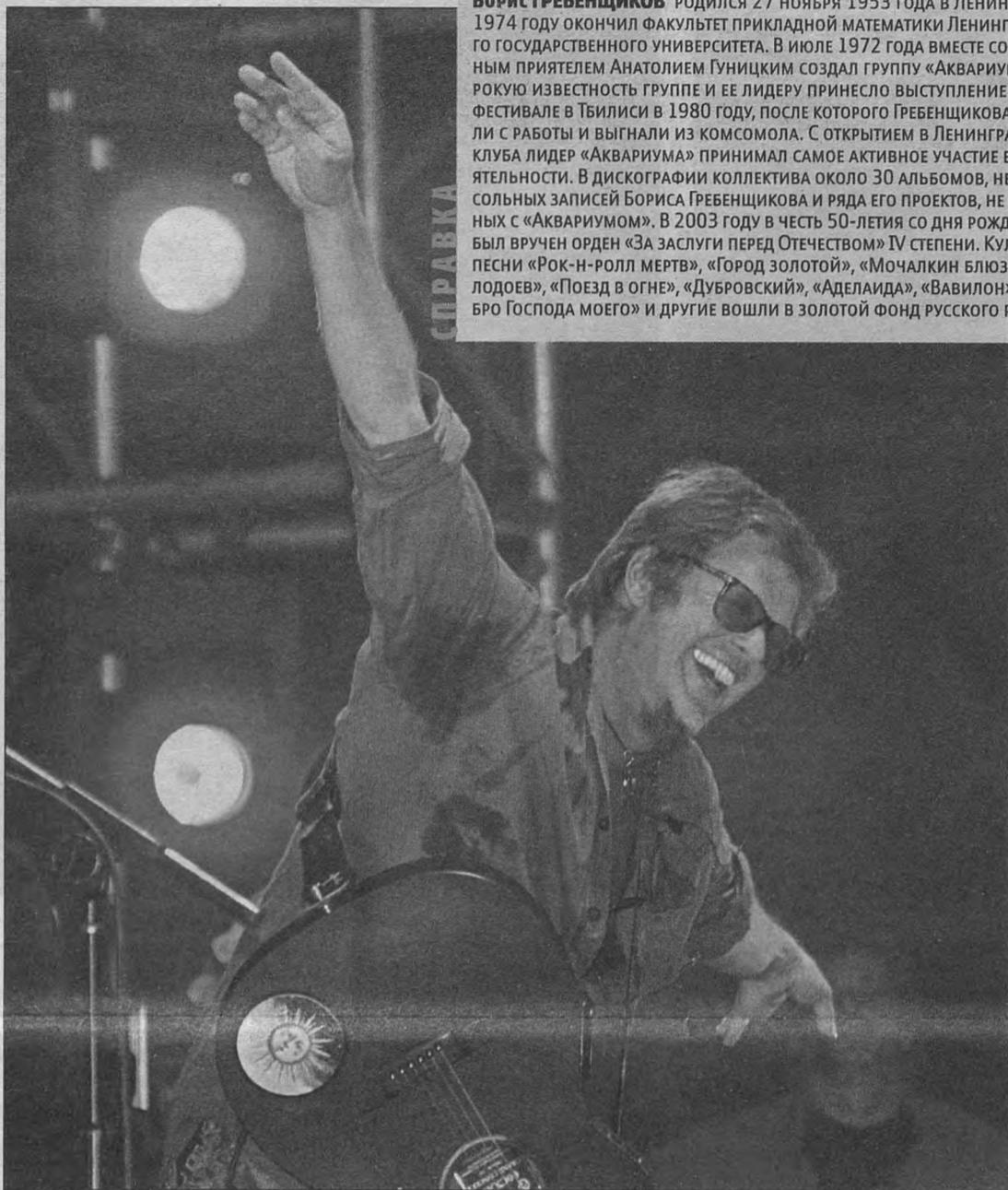
— Часом не министра культуры?

— Упаси боже! Никогда в жизни туда не пойду. Мне и Суркова чудовищно жалко. Я не могу идти на пост. Не могу работать в системе. Я панк и делаю только то, что люблю. Мы придумали какие-то конкретные вещи, которые могут делать, — это радиопередача, которая будет идти не только по Москве, но и по всей стране. Меня ведь не интересует Москва — интересует Россия. Уже начал ее делать, мне понравилось, весь «Аквариум» впряг в эту упряжку, потому что не могу один, я занят. И Сурков, в принципе, тоже не бездельник, работает по 20 часов в сутки.

— Борис Борисович, не смущает, что такими вещами будет заниматься государство?

— Государство не занимается такими вещами. Государство вообще культурой не занимается. У Суркова то ли Шнур, то ли «Би-2» прямо попросили: «Помогите нам справиться с пиратами». А как он поможет? Возьмет винтовку и пойдет их отстреливать? Пиратов защищает Госдума. Кто-то в Госдуме получает деньги от пиратов. Всем это известно. А торговля наркотиками? То же самое. От любой нелегальной деятельности какие-то неправильные люди наверху получают деньги, иначе бы этого не было.

— Но поддержка рок-н-ролла че-

СПРАВКА

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ родился 27 ноября 1953 года в Ленинграде. В 1974 году окончил факультет прикладной математики Ленинградского государственного университета. В июле 1972 года вместе со школьным приятелем Анатолием Гуницким создал группу «Аквариум». Широкую известность группе и ее лидеру принесло выступление на рок-фестивале в Тбилиси в 1980 году, после которого Гребенщикова уволили с работы и выгнали из комсомола. С открытием в Ленинграде рок-клуба лидер «Аквариума» принимал самое активное участие в его деятельности. В дискографии коллектива около 30 альбомов, не считая сольных записей Бориса Гребенщикова и ряда его проектов, не связанных с «Аквариумом». В 2003 году в честь 50-летия со дня рождения БГ был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Культурные песни «Рок-н-ролл мертв», «Город золотой», «Мочалкин блюз», «Козлодоев», «Поезд в огне», «Дубровский», «Аделаида», «Вавилон», «Серебро Господа моего» и другие вошли в золотой фонд русского рока.

рез администрацию президента — это какое-то российское ноу-хау?

— Это инициатива, от которой государство зависит напрямую. Пока в России не будет нормальной культуры, не будет и нормальной жизни. Кто-то думает, что культура заводится от хорошей жизни. Нет! Хорошая жизнь заводится от культуры. Нужно, чтобы жизнь была относительно стабильной, чтобы люди могли хотя бы песню записать. И государство в этом так же заинтересовано, как и я. Просто государство надо это дать понять. Сурков это понимает, остальные — еще нет.

— Простите, но у Суркова-то наверняка есть много рычагов...

— Он не может воздействовать. Да, со студией помогут. Уже есть люди, которые на это отряжены. Если у них не получится, будем делать это сами. Вот Шахрин на Урале постоянно устраивает фестивали, чтобы молодых вытянуть. Но, к примеру, в Ленинграде есть гениальные электронщики. Кто их знает? Почти никто. Нужна независимая фирма, которая выпускала бы независимую музыку. Радио, которое эту музыку крутило бы.

— Как известно, тот же Ленинградский рок-клуб был если не под полным контролем КГБ, то...

— Он был под полным контролем КГБ. Более того, КГБ его и пробил. Если бы не было КГБ, не было бы рок-клуба.

— Ситуация повторяется?

— В данный момент я бы приветствовал участие теперешнего КГБ, потому что там, как правило, не все глупые ребята. Могут придумать какие-то интересные вещи. Ведь все замечают, что КГБ тогда клубу не особенно помешал. Поэтому неважно, кто будет делать. Важно, чтобы это делалось с чистыми намерениями и чистыми руками.

— Говорили, что Сурков попросил рок-музыкантов в случае «оранжевых» беспорядков в России сохранять нейтралитет...

— Я там был, и этого сказано не было. Вероятно, это сделал человек, который вбросил информацию, и я знаю, кто это... Возможно, у него были свои беседы с Владиславом, я не знаю. Но твердо знаю одно: когда власти нужно, чтобы деятели культуры сохраняли нейтралитет, власть не беседует. Она говорит: «Выбирайте: вот так или вот так». А выбирать не хочется. Власть зубов не потеряла, не нужно обольщаться.

— Ваш радиопроjekt тоже родился после встречи с Сурковым?

— Я этим занимался в 1971 году, еще до «Аквариума». А нынешний цикл... На днях ко мне пришел генеральный директор «Радио России», который где-то прочел о нашей встрече. Спросил: «Правда?» Я говорю: «Правда». Теперь будет мне перезванивать, скажет, что нужно, потому что диктор из меня никакой, я не умею говорить.

— Вам простят, Борис Борисович.

— Но мне самому же будет стыдно. Я каждую фразу по шесть раз проговариваю. А по бумажке я читать не умею, приходится импровизировать. **— Все-таки странно выходит. Вы уже встречались с Борисом Грызловым, после чего вам вручили орден «За заслуги перед Отечеством». Теперь встречаетесь с Сурковым, сразу после этого на очередной концерт в Вологде прибывает руководство города, на сцену выходит вице-мэр и вручает вам букет цветов. А вы продолжаете говорить: «Я — панк».**

— Я очень рад, что у людей есть ассоциативное мышление, но по опыту знаю, что в большинстве случаев это мышление не всегда оправданно. Конечно, личное дело каждого думать как угодно. Мне это даже

нравится. Чем больше скандалов, тем лучше. От встречи с Грызловым я долго пытался себя охранить, но его люди пробились к моей жене по домашнему телефону. А если тебе звонит министр и просит о встрече, я пока не видел человека, который бы от этого отказался. Тогда мне стало просто интересно, я ведь никогда живого министра не видел. От него получил подробный отчет о деятельности государства. Он меня ни о чем не спрашивал, только отчитывался. Я ему: «А как на Севере? А как подводные лодки? А как это? А как то?» Он все рассказал и напоил меня кофе. Вероятно, это было сделано, чтобы поднять его рейтинг. Я так предполагаю. Мои же мотивы были посмотреть на живого министра, и я удовлетворил свое любопытство по полной. Что касается Вологды... Вице-мэр — это отец одного из организаторов концерта. Он тоже мне дал подробный отчет — прежде всего о деятельности вологодских монастырей. Меня также интересовало, что у них там на Севере. Ведь очень тяжелое положение было пять лет тому назад. Десятки тысяч людей были отрезаны от мира. Только на двух тракторах, прицепленных один к другому, до них можно было донести продукты. Казалось бы, какое отношение это имеет ко мне? Но мне интересно, чтобы люди были хотя бы поевшими. И я хочу сделать то, что я могу сделать. Теперь у меня появились планы помочь не только себе, но и другим.

— А что вы скажете тем, кто говорит, что Борис Гребенщикков «прогнулся под власть»?

— Прекрасно. Пускай говорят. Но я бы очень хотел дожить до того момента, когда в России усвоят одну истину. У нас принято так: есть царь-батюшка, и перед ним мы падаем на колени, а за спиной начинаем смеяться и потешаться. Когда лю-

ди поймут, что власть — это такая же часть России, как и они сами, выяснится, что необязательно кусаться. Лучше объединиться и вместе что-то сделать, чтобы тебе самому стало лучше. Зубоскалить за спиной гораздо проще. Я сейчас вступил в третью фазу своей жизни — поиск Бога. Это значит пытаться сделать так, чтобы всем было лучше. Те, кто говорит, что мы прогибаемся под Кремль... Пожалуйста — под Кремль,

под Белый дом, Эйфелеву башню, Бен Ладена, «Аль-Каиду» — говорить можно сколько угодно.

— Многие западные рок-музыканты открыто ругают свою власть. Р.Е.М. ездят по Европе и извиняются за политику Буша. Jethro Tull приезжают в Россию и говорят: «Мы не уважаем нашего премьер-министра Блэра». В России тишина. Это заслуга власти?

— В России многие музыканты застали тот период, когда лучше было молчать. Когда президентом был Борис Николаевич, я, по-моему, не очень стеснялся в выражениях, потому что ничего позорнее никогда не видел и, дай бог, не увижу. По сравнению с этим то, что есть сейчас, — просто рай. У нас есть президент, который сохраняет достоинство. Лично мне импонирует еще и то, что он занимается восточными единоборствами. Конечно, что-то мне нравится, что-то очень не нравится. Но не это важно. Важно, чтобы в России как можно дольше сохранялась стабильность. Только при стабильности люди начнут чуть-чуть наращивать мясо на кости. Мы ведь долго жили на одних костях.

— Судя по всему, к Белоруссии у вас другой подход? За последний год появилось немало писем в адрес президента Лукашенко, которые вы подписываете по линии «Международной амнистии» с просьбой освободить политзаключенных или отменить смертную казнь. Там иная ситуация?

— Я согласен с целями «Международной амнистии», поэтому когда они меня о чем-то просят, я с удовольствием это подписываю. Я с ними знаком с 1991 года. И когда можно спасти какого-то человека от незаслуженной кары, это необходимо сделать. Раз уж я стал политической фигурой, я не буду ничего говорить по поводу начальника Белоруссии. У меня нет комментариев по этому поводу, но честно могу сказать, что несмотря на то что у них совок, у них еще и чистые улицы. И девушки там ходят по ночам без особого страха, что их изнасилуют. Так что там есть плюсы и есть минусы. Если у них со временем появится другой председатель, который будет немного другим, может быть, будет лучше. Каждая страна имеет ту власть, которую она заслуживает. Всегда так было. Но я никак не комментирую Лукашенко, потому что не хочу никого обижать.

— Там появились «списки запрещенных групп». Вячеслав Бутусов ездил в Минск поддержать эти группы специальным концертом. Вы предпочитаете не касаться этой ситуации?

— И не буду никогда касаться. Мы никогда не участвовали в этих играх и участвовать не будем. Я слышком долго сам был в запрещенных списках, чтобы не знать, что это такое. Это можно исправить, но не на уровне уличного протеста. Уличный протест никогда ничего не решает. **— В этом смысле ваше знакомство с Сурковым может эффективнее влиять на разные ситуации, чем какие-нибудь подпольные рок-движения?**

— Я с ним знаком совершенно по другому поводу, абсолютно не связанному с политикой. И не только с ним, но и еще с большим количеством народа, и опять же не по политическим или экономическим причинам.

— По музыкальным?

— Скажем, связанным с культурой. И очень хочется эти знакомства использовать в своих целях. А мои цели таковы: чтобы хорошо было с культурой и чтобы люди жили хотя бы не голодая. Здоровая культура и здоровые люди — два моих постулата.